

Вѣсьмъ милъ не будешь. Нашъ знаменитый московскій гость Федоръ Ивановичъ Шалыпинъ имѣеть несчастье съ нѣкоторыхъ поръ находиться въ немилости у «Новаго Времени». Послѣ недавняго бенефиса г. Галкина въ Павловскѣ, гдѣ г. Шалыпинъ былъ предметомъ нескончаемыхъ овацій, привѣтствованъ тушемъ симфоническаго оркестра и т. п., «Н. Вр.» помѣстило весьма кислую замѣтку, въ которой, замалчивая успѣхъ г. Шалыпина, чуть ли не рекомендовало ему поучиться у г. Собнова, — вѣроятно, исполненію серенады изъ «Забавы Путятинны», М. М. Иванова? Теперь петербургскимъ гастролемъ г. Шалыпина ехидно предпосланъ московскій фельетонъ г. Не-Фельетониста, гдѣ петербуржцы увѣдомляются, что г. Шалыпинъ въ мимическихъ сценахъ «корчится, какъ человекъ, пообѣдавшій въ плохой кухмистерской», а вмѣсто Сальери изображаетъ какого-то Гарпагона, закоренѣлаго въ отравленіяхъ. Откуда г. Не-Фельетонистъ взялъ, что мольтеровъ Гарпагонъ — преступникъ, закоренѣлый въ отравленіяхъ, у г. Не-Фельетониста спрашивать излишне: отсутствіе литературнаго образованія и страсть къ упоминанію иностранныхъ именъ и словъ, коиъ онъ не понимаетъ, — исконныя привилегіи этого писателя на безпачетельствѣ, пребывающаго въ «Новомъ Времени» на положеніи рака на безрыбьи. Что касается обиды г. Не-Фельетониста на г. Шалыпина за антипатичное отношеніе послѣдняго къ типу Сальери, — тутъ не секретъ, wo der Hund begraben ist: ни одинъ Сальери не радуется, когда предъ нимъ изображаютъ прототипъ его, настоящаго Сальери, мучимаго безплодною жаждою успѣха и робовымъ подозрѣніемъ собственной бездарности. Вотъ напр. г. Иванову Шалыпинъ въ Сальери, навѣрное, тоже очень не понравится. Ибо хотя всѣ знаютъ мудрое правило, что «на зеркало неча пенять, коли рожа крива», но количество дѣятелей, имѣющихъ мужество примѣнить мудрость этого правила къ самимъ себѣ, къ сожалѣнію, гораздо меньше.

Благотупостіями гг. Не-Фельетонистовъ и К^о г. Шалыпинъ, конечно, огорчаться не долженъ. Онъ даже придають успѣхамъ его извѣстную пикантность, которую умѣли цѣнить древніе римляне, когда, рядомъ съ колесницею триумфатора, посылали бѣжать шутовъ, чтобы костили они триумфатора этого, какъ говорится, на обѣ корки. Если принять къ свѣдѣнію, что злобныя выходки г. Не-Фельетониста вызваны нечѣмъ другимъ, какъ восторженными статьями С. Н. Круликова, извѣстнаго московскаго критика, безпристрастнаго, строгаго, солиднаго музыканта съ европейскою репутаціею, стараго профессора-теоретика, директора филармоническаго общества и т. д., то

сказанная пикантность обостряется въ особенную веселость контрастовъ. Вѣдь г.-то Не-Фельетонистъ, взявшійся уничтожить г. Шалыпина, едва ли знаетъ, что послѣ чего слѣдуетъ въ гаммѣ: те послѣ до или до послѣ ге.

Впрочемъ, если «клевветникъ», бѣгущій рядомъ съ колесницею», г. Шалыпину не приятенъ, мы можемъ дать уважаемому артисту очень хорошій и простой совѣтъ, какъ отъ всего этого сальерическаго покусыванія разъ навсегда избавиться. Для этого ему надо только дать въ Петербургѣ концертъ по нижеслѣдующей программѣ:

1. Арія изъ оперы «Забавы Путятинны». . . музыка М. М. Иванова.

Исполнить Ф. И. Шалыпинъ.

2. Романсъ Шюля изъ оперы «Купчихинъ-Музыкантъ» . . . музыка М. М. Иванова.

Исполнить Ф. И. Шалыпинъ.

3. Allegro изъ оперы «Потемкинскій праздникъ» . . . музыка М. М. Иванова.

Исполнить Ф. И. Шалыпинъ.

4, 5, 6. 10. 30. } Романсы музыка М. М. Иванова.
 100. x. . . x+1. }
 x+безконечность. }

Исполнить Ф. И. Шалыпинъ.

Средство вѣрное, испытанное. Въ свое время имъ благополучно пользовались многіе, — напр., г.-жа Долина, которую во время оно тоже начала было трясти навѣяная изъ «Новаго Времени» сальерическая лихорадка, — и ничего: какъ рукою снимало.

Но Федоръ Ивановичъ упрямъ. Не хочетъ пить сальерическихъ пошлостей, — и шабашъ! Да еще престранно при этомъ свое упрямство изъясняетъ:

— Теперь, говорить, мною всѣ довольны, — одинъ Ивановъ недоволенъ, зачѣмъ я его не пою. А если я его запою, онъ одинъ будетъ доволенъ, а всѣ другіе станутъ ругать меня, зачѣмъ я его пою.

Упрямство большой порокъ, равно какъ и однообразіе. Не все же имѣть дѣло съ Моцартами искусства, съ Глинками, Даргомыжскими, Римскими-Корсаковыми: надо когда-нибудь потѣшить и Сальери, Иванова и т. д. Тѣмъ болѣе, что отъ Глинковъ, Даргомыжскихъ — практическій барынь не великъ, зубы изъ нихъ не сошьешь: покойники. А Сальери эти, — надо имъ отдать справедливость, — благодарные. Ты имъ — романсъ, а они тебѣ — въ Пантеонъ. И куда будетъ съ твоей стороны имъ романсъ, потуда будетъ зиждаться ими тебѣ Пантеонъ.

А г. Не-Фельетонистъ? Г. Не-Фельетонистъ — ничего! г. Не-Фельетонистъ тогда замолчитъ. Онъ вѣдь, въ сущности, изъ тихонькихъ, и — «плоховатъ былъ Коля бѣдный», — это чуть-ли не о немъ сказано. Но чуткости и послушанія въ немъ всегда было — хоть отбавляй. Приказано было г. Не-Фельетонисту найти въ дѣлѣ Скитскихъ политическую измѣну, — поѣхалъ и нашелъ. Звучить въ Эртелевомъ переулкѣ камертонъ недовольства г. Шалыпинымъ, — г. Не-Фельетонистъ уже тутъ какъ тутъ:

— А вотъ я его еще изъ Москвы, съ Плющихи, по нашенски!.. Ваши благородія! господа хозяева! зрите мое усердіе: я-ли не стараюсь?

А удивительное амплуа начинаетъ занимать «Новое Время» въ репертуарѣ русской художественной критики. Чуть молодое, сильное, самостоятельное свѣтило поднимается на горизонтѣ искусства, его или сальерически ругаютъ, или сальерически о немъ молчатъ. Такъ было со Станиславскимъ, такъ было и есть съ Горькимъ, такъ было съ «Тремя сестрами» Чехова, такъ теперь съ Шалыпинымъ. То же самое претерпѣла было и Тина ди-Лоренцо, но — въ благополучію своему — во-время спохватилась сыграть «Татьяну Рѣшину». И ее простили: сезамъ отворился, и Пантеонъ построенъ.